

— Даже если мы знаем, что это кто-то переодевается и играет в призрака, с такого ракурса это выглядит слишком жутко! — воскликнул Фан Юаньхан.

Он несколько раз подпрыгнул на месте, покачиваясь на носках, как бы стряхивая мурашки с рук.

— Дело было ночью, и ни одна из камер, расположенных ближе всего к туалетам, ничего не зафиксировала. Камера, расположенная дальше, зафиксировала отражение в стекле окна... Это действительно классическая сцена из фильмов ужасов! Призрак, которого нельзя увидеть невооруженным глазом... который появляется только в виде отражения! Боже, серьезно, к черту мою жизнь. Хорошо, что мы тут просто расследуем дело.

Никто не мог упрекнуть Фан Юаньхана в том, что он слишком остро отреагировал. Образ "призрака", проплывающего мимо окна, почти как бы "плывущего над землей", был действительно призрачным зрелищем.

Кто бы мог так одеться посреди ночи? У "призрака" были очень длинные волосы. Ее голова была полуопущена, а вуаль из шелковистых черных волос закрывала лицо. Единственные открытые участки кожи были бледно-белого цвета.

Минг Шу попросил Чжоу Юаня увеличить и улучшить кадры. Но из-за неудачного ракурса и искажения отражения в стекле никакая работа над изображением не могла сделать его достаточно четким, чтобы идентифицировать человека, изображенного на экране.

Фан Юаньхан практически прижался лицом к монитору компьютера.

— Этот человек явно притворяется Ша Чунь, верно? Лу Синь слышала только звук ее плача. Если бы она действительно увидела этого "призрака", то, вероятно, упала бы в обморок на этом месте. Эта женщина, играющая роль самозванки, слишком жестока.

— Это не обязательно женщина, — сказал Сяо Юань. — Посмотри внимательно. В отделе народных инструментов нет женщин такого роста. И волосы у нее слишком длинные. При такой длине это, скорее всего, парик.

— А как насчет других отделов ассоциации? — спросил Минг Шу. — У Ша Чунь не было друзей в отделе народных инструментов. Кто-то определенно делает это для своей выгоды.

— На данный момент трудно утверждать, является ли это вообще кем-то из Ассоциации исполнительских искусств, — сказал Сяо Юань, обнимая себя руками. — Наша предыдущая гипотеза заключалась в том, что человек, распространяющий истории о призраках, также является человеком, который помог Ша Чунь совершить "самоубийство".

— Значит ли это, что человек на этой записи с камер наблюдения — точно коллега Ша Чунь?

Не обязательно. Мы не можем четко разглядеть лицо этого человека, а его одежда мало что нам говорит. Посторонним очень легко проникнуть на территорию ночью, и они могли даже проскользнуть в офисное здание ассоциации. Приобрести такой костюм из легкого муслина тоже не составило бы труда.

Минг Шу медленно вздохнул. Он подпер подбородок руками и больше ничего не сказал.

— Но, основываясь только на действиях этого человека, я считаю, что есть большая вероятность того, что он является сотрудником отдела народных инструментов. — Сяо Юань прижал одну руку к столу, а другую положил на спинку стула Минг Шу, еще несколько раз просмотрев записи с камер наблюдения. — На этом этаже довольно много камер наблюдения, но этот человек смог избежать их всех. Это доказывает, что он знаком с расположением камер в этом районе. То, что его отражение попало в окно, — это то, чего он не мог предвидеть. Обычные люди не стали бы принимать во внимание свои тени и отражения при составлении подобного плана. Но если бы это был посторонний человек, ему было бы трудно узнать все слепые зоны камер в этом районе.

Сяо Юань сделал небольшую паузу, а затем продолжил:

— Давайте рассмотрим других сотрудников Ассоциации исполнительских искусств. Планировка каждого этажа в этом здании отличается. Слепые зоны наблюдения на этажах выше и ниже этого здания не обязательно совпадают со слепыми зонами на этом этаже. Если бы этот самозванец пришел из другого отдела, чтобы ознакомиться с камерами наблюдения на этом этаже, он подверг бы себя большому риску разоблачения.

— Но предположим, что это кто-то из отдела народных инструментов, — продолжил Минг Шу.
— Кто бы это мог быть?

Одежда для выступлений отдела народных инструментов находилась в комнате сбоку от небольшого репетиционного зала. Минг Шу решил:

— Давайте сначала проверим, не пропали ли какие-нибудь костюмы. Даже если ничего не пропало, этот человек должен был оставить следы своего присутствия, если он вообще взял костюм.

После инвентаризации костюмов выяснилось, что один действительно пропал. И это был костюм, который никто раньше не носил, причем самого большого размера.

Минг Шу нашел Хань Мингмин и спросил, почему они заказали женский костюм такого размера, который не подходил ни одной из женщин в отделе народных инструментов.

— Вообще-то мы заказали его для одного из мужчин-исполнителей, — рассеянно ответила Хань Мингмин. На ее лице была написана усталость, как будто она несколько дней противостояла непрекращающейся буре.

Фан Юаньхань с любопытством спросил:

— В вашем отделе мужчины все еще играют женские роли?

— Дело не в этом. — Хань Минмин покачала головой. — У нас есть несколько мужских костюмов для наших исполнительниц. Иногда у нас нет нужного количества исполнителей, поэтому мужчины иногда переодеваются в женщин, а женщины — в мужчин.

Мгновенно Минг Шу спросил:

— Кто из исполнителей-мужчин наиболее убедителен в роли женщины?

У него была причина задать этот вопрос.

Хотя отражение в окне, запечатленное камерой наблюдения, было нечетким, по походке и осанке человека было понятно, что он умеет излучать женское очарование.

Любой мог надеть женский костюм, но выглядеть женственно и излучать женственность — это не каждому мужчине под силу.

Когда детективы впервые посмотрели запись с камеры наблюдения, они почти все сразу же поверили, что перед ними женщина. Это не было связано с недостатком наблюдательности. А потому, что человек, снятый на камеру, очень убедительно изображал женщину. Походка, аура — все было в точности как у женщины.

Даже если бы Минг Шу сам надел женский костюм и парик, он не смог бы так убедительно изобразить женщину, которая, казалось, только что вышла из исторической драмы.

— Самый убедительный? — Хань Минмин опустила голову и задумалась на некоторое время. — В нашей работе нам всем приходится отрабатывать позы и прочее... Если вы спрашиваете о самом убедительном исполнителе, то, наверное, это Цюй Синь.

Минг Шу напряженно нахмурил брови.

Цюй Синь.

Опять Цюй Синь.

В прошлый раз, когда они допрашивали Цюй Синя, тот вел себя довольно высокомерно. Он практически выставлял напоказ свою вину, но не решаясь смело объявить себя убийцей.

Но поскольку доказательств для его задержания было недостаточно, у Отдела тяжких преступлений не было другого выбора, кроме как отпустить его, когда подошло время. С тех пор Цюй Синь уже вернулся к работе в Ассоциации исполнительских искусств.

Минг Шу снова нашел Лу Синь и спросил ее, ушел ли уже Цюй Синь с работы, когда она услышала плач в ванной.

Лу Синь ответила с абсолютной уверенностью. Она сказала, что после смерти Ша Чунь выступления отдела народных инструментов были отменены, поэтому многие артисты взяли отпуск и остались дома. Те, кто все же вышел на работу, работали вяло, рассеянно. Да и делать им было особо нечего.

Только административный персонал должен был приходиться вовремя, каждый день приходиться и уходить. В тот вечер, кроме Лу Синя, только два других члена административного персонала остались в здании, чтобы поработать сверхурочно.

Минг Шу быстро вернулся к Чжоу Юаню и попросил его загрузить записи с камер наблюдения на открытой и подземной парковках ассоциации.

Новые офисы Ассоциации исполнительских искусств находились далеко от центра города, и Цюй Синь никогда не ездил на работу на автобусах, организованных Ассоциацией. Он всегда ездил в офис и обратно на своей машине. Если в тот день Цюй Синь задержался в ассоциации допоздна, его машина тоже могла присутствовать.

Конечно, броский синий спортивный автомобиль Цюй Сина был припаркован в гараже. А в 23:04 Цюй Синь появился на камере наблюдения, направляясь к своей машине.

Комната для личных тренировок Цюй Сина была очень большой. Это была самая роскошная комната в отделе народных инструментов.

В этой комнате Фан Юаньхань нашел пропавший костюм огромного размера.

— Верно, это я распространял истории о призраке, — свободно признался Цюй Синь, когда его снова привели на допрос.

Он был все так же высокомерен, все так же надменен. Он сидел, скрестив одну ногу на другой, и продолжал:

— В каком преступлении вы собираетесь меня обвинить? Нарушение спокойствия? Мошенничество? Прошу прощения, я не очень хорошо разбираюсь в этих ваших юридических терминах. Мне непонятен ваш модный жаргон. Почему бы вам не объяснить мне это на простом языке?

Минг Шу не стал тратить время на пререкания с ним. Он просто сказал:

— Похоже, что ты почувствовал необходимость отомстить за Ша Чунь.

Цюй Синь нахмурился, словно погрузившись в раздумья. Через мгновение он повторил:

— Я? Отомстить за нее?

Минг Шу насмешливо хмыкнул.

— Ты переоделся в женщину... нет, в женщину-призрака, и пробрался в уборную, чтобы напугать своих коллег-женщин, и ты сочинил всевозможные истории о призраках, чтобы заставить мучителей Ша Чунь запаниковать. Разве это не ваш способ отомстить Ша Чунь за несправедливость, совершенную против нее при жизни?

Горло Цюй Сина перехватило, и он сглотнул. На его лице появилась издевательская усмешка.

— Я сказал тебе объяснить, какое преступление я совершил, какую несправедливость я совершил. А ты настаиваешь на том, чтобы перевести разговор в это русло.

Минг Шу стоял. Он смотрел на Цюй Сина холодным, пристальным взглядом.

Поведение Цюй Сина рисовало его как коллегу, который хотел помочь Ша Чунь отомстить, но он не вел себя как человек, который мог помочь ей совершить самоубийство — если такой "помощник" действительно существовал.

Цюй Синь принял меры, чтобы замести следы, но в его прикрытии были дыры. Он знал, что нужно держаться в "слепых зонах" камер наблюдения, скрывая себя, когда проскальзывал в женский туалет. Но он забыл, что его собственная машина была припаркована в гараже.

Его самой вопиющей ошибкой было то, что он не вернул одолженный костюм в комнату хранения, как только закончил реализацию своего плана.

Цюй Синь так легко выдал себя полиции. Это не соответствовало профилю убийцы Ша Чунь, который так тщательно заметал следы.

Но некоторые люди, конечно, были способны намеренно создать противоречие, чтобы ввести полицию в заблуждение. Некоторое время назад, во время расследования дела о Погребенном Сердце, Хоу Чэн представился одним из таких людей.

Минг Шу не хотел упускать ни одной потенциальной зацепки. Он продолжил:

— Ша Чунь попросила тебя помочь ей?

Высокомерие на лице Цюй Сина собралось в узкой прорези между его бровями.

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я из тех, кто будет слушаться Ша Чунь, как послушный мальчик?

— Вовсе нет, — сказал Минг Шу. — Итак, скажи мне. По какой причине ты все это делаешь? Ты смотрел на Ша Чунь свысока, а после смерти маскировался под ее "призрака" и проливал по ней слезы в женском туалете. Это нелогично, учитель Цюй.

Цюй Синь, вероятно, не привык к тому, что ему приходится поднимать голову и смотреть на кого-то. Он тоже поднялся на ноги и посмотрел прямо в глаза Минг Шу.

После небольшой паузы Цюй Синь спросил:

— Ты совсем ничему не учишься. Ты по-прежнему веришь моим словам, как и в прошлый раз?

Минг Шу улыбнулся.

— Кто сказал, что я тебе верю?

Уголки рта Цюй Сина дернулись, а затем напряглись.

Минг Шу сузил глаза и безжалостно приказал:

— Ты говоришь, я слушаю. Я не просто "верю" чьим-то словам. Я верю только доказательствам и своим собственным суждениям.

Цюй Синь несколько раз моргнул, а затем вдруг разразился безудержным смехом. Когда он успокоился, то сказал:

— Вы... вы интереснее любого полицейского, которого я когда-либо встречал.

— Тогда почему бы тебе не рассказать этому интересному полицейскому о своем образе мыслей? — предложил Минг Шу.

— Конечно, но это как я уже говорил тебе в прошлый раз. У меня есть только мои слова. У меня нет никаких доказательств. Если ты хочешь мне верить, хорошо. Если нет, ищи доказательства и суди меня сам. А если вы не можете найти никаких доказательств, это лишь доказывает, что вы все дураки.

Тон Цюй Синя оставался легким и непринужденным, как будто он шутил.

— Город Донгье такой большой, — продолжал он. — И все же Ша Чунь умерла в Ассоциации исполнительских искусств. Как ты думаешь, почему?

Минг Шу сделал вид, что не понимает, на что он намекает.

— Почему?

— Ты действительно не знаешь? — спросил Цюй Синь.

— Я действительно не знаю, — повторил Минг Шу.

Фан Юаньхан, который смотрел запись допроса из соседней комнаты, не мог не воскликнуть:

— Вы двое разыгрываете комедию?!

Цюй Синь покачал головой.

— Вы пытаетесь обмануть меня, чтобы я что-то сказал...

Минг Шу безмятежно улыбнулся.

Цюй Синь насмешливо хмыкнул.

— Ладно. Я не буду мешать тебе.

Минг Шу легонько похлопал по столу.

— Тебе не надоело стоять? Присаживайся и скажи мне, что ты хочешь сказать.

— Я из тех людей... которые верят в судьбу, — начал Цюй Синь. — Я считаю, что Ша Чунь умерла в Ассоциации исполнительских искусств не просто так. Скажи мне, не думаешь ли ты, что она хотела бы отомстить идиотам из отдела народных инструментов? Может быть, она хотела напугать их? Ведь они издевались над ней и мучили ее в прошлом. Хорошо это или плохо, но мы с Ша Чунь были коллегами. Говоря прямо, она была наивной. Но я восхищался ее трудолюбием. Я тоже старательный человек, вы не поверите...

— Подожди, — перебил Минг Шу с ноткой насмешки в голосе. — Ты вот так просто исключаешь себя из своего отдела? Разве ты не являешься членом отдела народных

инструментов? Разве не ты также издевался и мучил Ша Чунь?

Цюй Синь серьезно ответил:

— Нет. Не причисляй меня к этим болванам.

Минг Шу выпустил сухой смешок.

— О?

— Я был резок с Ша Чунь, но мои намерения не были плохими. У нее не было таланта, чтобы воплотить свои мечты в жизнь. Она была довольно жалкой. С ее уровнем врожденного мастерства она должна была просто относиться к гучжэну как к обычному хобби. Но она была полна решимости прославиться как исполнительница на гучжэне. Она пыталась насильно затащить себя на большие высоты. Например, она хотела достичь моего уровня. Вам это кажется реалистичным?

Цюй Синь сделал паузу, затем продолжил:

— Я сказал ей, чтобы она сдавалась. Хотя мои слова не были красивыми, мои намерения были хорошими и рациональными. С моральной точки зрения я не похож на Ран Хэ и других, которые просто смотрели на Ша Чунь свысока, с холодным, жестоким высокомерием.

Минг Шу приподнял одну бровь. После короткого мгновения он кивнул.

— Продолжай.

— Моя совесть чиста. — Цюй Синь пожал плечами. — Можешь считать мой поступок с притворством призрака моей прихотью. В прошлый раз я позвал Ша Чунь к себе, чтобы дать ей особые наставления, тоже по прихоти. В этот раз моя прихоть заставила меня помочь ей немного отомстить. Эти мои коллеги-идиоты были пристрастны к тому, чтобы разевать рот и унижать Ша Чунь. Когда она была жива, их невозможно было вылечить. Но теперь, после ее смерти, я был уверен, что смогу хотя бы напугать их.

— А вы не думали, — спросил Минг Шу, — что не сможете продолжать работать в Ассоциации исполнительских искусств после того, как устроите такой беспорядок?

— Мне все равно. — Цюй Синь небрежно провел рукой по волосам. — Я сказал тебе в прошлый раз. Если вы считаете, что я убийца, вы можете отдать меня под суд. Если закон признает меня виновным и посадит в тюрьму, возможно, в итоге я буду благодарен вам. Вдохновение приходит из жизни, а у меня уже был разный жизненный опыт. Но я никогда не был в тюрьме. Если вы отправите меня в тюрьму, возможно, я смогу создать более великие произведения искусства, чем все, чего я достиг в прошлом.

— Это... это... это... — Рядом Фан Юаньхань потерял дар речи. — Этот парень просто ребенок, или он совсем больной на голову?!

За короткий промежуток времени И Фэй столкнулся с двумя людьми, которые были не совсем обычными в своем мышлении. Один из них был Сюй Инь, которому нравилась вонь гниющего трупа. А другой — Цюй Синь, который жаждал испытать гниение в тюремной камере.

И Фэй мог только беспомощно покачать головой.

— Я слишком обычен. Я не могу понять ничего из этого. Может быть, ваш шеф, Сяо Минг, сможет понять.

— Я записал это на пленку, — заявил Фан Юаньхань. — Ты только что сказал, что Сяо Минг — чужак.

И Фэй на мгновение замолчал.

— ...А твой шеф знает, что ты называешь его Сяо Мингом? И я ничего не говорил о том, что твой шеф странный, ты сам это сказал.

В комнате для допросов несколько минут стояла тишина. Минг Шу опустил голову и посмотрел на руки Цюй Сина.

Пальцы Цюй Сина были длинными и тонкими, с четко очерченными костяшками. Если не обращать внимания на шрамы и мозоли от долгих лет игры на пипе, эти руки можно было назвать необычайно красивыми.

Шея и уши Цюй Сина были украшены сверкающими аксессуарами. Они были настолько броскими, что, казалось, совсем не подходили исполнителю на пипе, но на руках у него не было никаких аксессуаров. Его ногти были аккуратно ухожены — красивые, но простые.

Цюй Синь воплощал в себе как элементы грандиозности, так и элементы простоты.

Когда Цюй Синь заметил, что Минг Шу смотрит на его руки, он подсознательно перегнул правую руку через левую. В его глазах появилось несколько защитное выражение.

Минг Шу внезапно подошел и схватил Цюй Сина за запястья.

Цюй Синь был потрясен. Он боролся и пытался вырваться, но его противником был первоклассный полицейский детектив.

— Что ты делаешь?!

Когда он выкрикнул эти слова, прежнее спокойствие и высокомерие Цюй Сина полностью исчезло. Его лицо охватил страх. Казалось, что кто-то взял его жизнь в свои руки.

Минг Шу усилил давление и пристально посмотрел в глаза Цюй Сину.

Цюй Синь мгновенно покрылся холодным потом. Его голос дрожал, он требовал:

— Ты... ты отпустил меня, ты...

— Какого черта мой шеф сейчас делает? — воскликнул Фан Юаньхан из соседней комнаты.

И Фэй подпер подбородок одной рукой и спокойно сказал:

— Это тест.

Через минуту Минг Шу надоело играть в эту странную игру. Он ослабил хватку Цюй Сина и слегка одтолкнул его.

Цюй Синь поспешно прикрылся руками и возмущенно уставился на Минг Шу. Его глаза покраснели и даже приобрели водянистый блеск.

— Этот гений и дня не может прожить без того, чтобы не подстроить какую-нибудь неприятность, — сказал Минг Шу.

Он стоял перед Сяо Юанем, засунув обе руки в карманы, и рассказывал о своих последних открытиях.

— Цюй Синь помог Ша Чунь отомстить, но он не может быть тем, кто убил ее.

Сяо Юань сразу же понял его логику.

— Цюй Синь слишком дорожит своими руками.

— Я уже думал об этом, когда мы в последний раз допрашивали Цюй Сина, — сказал Минг Шу.

— Цюй Синь — это человек, который одержим заботой о своих руках. Он использует эти руки только для игры на пипе или других своих инструментах, а также для заботы о самом необходимом в жизни. Ша Чунь была задушена, и она боролась перед смертью. Использование веревки для удушения взрослой женщины потребовало бы немало сил и энергии. Руки нападавшего были бы неизбежно повреждены. У Цюй Сина может быть мотив, и у него нет

надежного алиби. Но он определенно не стал бы использовать удушение как средство убийства Ша Чунь.

— Цюй Синь отвлекает внимание, — сказал Сяо Юань. — Давай сосредоточимся на сути этих двух дел. Ты помнишь, что я сказал в прошлый раз? О противоречии в том, что Ша Чунь планировала свое самоубийство?

Минг Шу кивнул.

— Помню. Человек, который помог ей совершить самоубийство, определенно был бы кем-то, кому Ша Чунь доверяла, кем-то важным для Ша Чунь. И обратное тоже было бы верно. Так как же Ша Чунь могла заставить себя втянуть этого важного человека в дело об убийстве, необратимо изменив его жизнь?

— После того, как мы изучили дело Ву Чженя, я обнаружил возможность, которая может устранить это противоречие, — сказал Сяо Юань.

Он открыл отчет о вскрытии, который получил от Син Му. Сделав небольшую паузу, он продолжил:

— Человек, который помог Ша Чунь совершить "самоубийство", не мог быть кем-то очень важным для нее. Это мог быть кто-то, кто страдал от той же участи, что и Ша Чунь. Так же, как Ша Чунь и Ву Чжень.

Минг Шу отодвинул стул и сел, уставившись на отчет о вскрытии.

Слова Сяо Юаня не стали для него неожиданностью. По правде говоря, Минг Шу уже думал о подобной возможности. Но его отвлекли самоубийство Ран Хэ и истории о призраках, распространившиеся по Ассоциации исполнительских искусств. У него не было возможности довести эту идею до конца.

— Ву Чжень и Ша Чунь явно были людьми одного типа, — продолжил Сяо Юань. — Им обоим не хватало таланта, и они верили, что смогут восполнить его упорным трудом. Они упрямо шли к своей цели, никогда не колеблясь. В конце концов, после бесчисленных неудач и нападок, они были вынуждены признать правду — они не смогли добраться до вершины. Для таких упрямых, старательных людей, как они, подобное осознание может быть разрушительным. Оно может привести к тому, что они потеряют желание жить. Они доходили до того, что хотели покончить с жизнью, но не хотели совершать самоубийство. Возможно, в их глазах самоубийство было выходом для труса.

— Самоубийство не вызвало бы шума, — размышлял Минг Шу. Он снова и снова постукивал кулаками друг о друга. — Убийство — другое дело. На какое-то время они стали бы центром внимания. Ву Чжень был сценаристом, а Ша Чунь — музыкантом. Ни у кого из них не было обычной работы. Чтобы добиться успеха, им обоим нужна была известность. Они жаждали

публики, внимания. Особенно Ша Чунь, иначе она не стала бы без устали выкладывать в интернет все эти видео со своими тренировками.

— Исходя из этого, все становится совершенно очевидно, — сказал Сяо Юань. — Перед смертью обе жертвы вели себя так, что это указывало на то, что они планировали самоубийство. Но когда их дела дошли до нас, они оказались убийствами. Более того, один из блокнотов Ву Чженя оказался у Ша Чунь, как наследство. Если человеком, который помог Ву Чженю в его "самоубийстве", была Ша Чунь, а человеком, который помог Ша Чунь, был кто-то другой, похожий на них... противоречие исчезает, и логика подтверждается.

Минг Шу сделал глубокий, медленный вдох.

— Это значит, что самое важное для Ша Чунь, ее руки, хранятся у человека, который ей помогал. И этот человек сейчас ищет кого-то еще, похожего на него.

В это время в коридоре послышался звук шагов. Сяо Мань запыхался, ворвавшись в комнату. Его лицо покраснело в глубокий, неестественный оттенок.

— Капитан Минг! Директор Сяо!

Минг Шу протянул руку и принял толстую кипу отчетов в руки Сяо Мана. Он пролистал последнюю страницу.

— Мы собрали следы и улики с территории возле колючей проволоки, которая была установлена в ограде старой профессиональной школы, и... и это совпадает! Это полное совпадение со следами Ша Чунь! — Сяо Мань вытер пот со лба. — И... и это еще не все! Мы нашли следы крови на колючей проволоке, и ДНК тоже совпадает с ДНК Ша Чунь! Тот, кто убил Ву Чженя, тот, кто запечатал его в цемент... скорее всего, это была Ша Чунь!

<http://bllate.org/book/14859/1321921>